- перемещение осужденных к лишению свободы (ст. 76);
- оставление осужденных к лишению свободы в следственном изоляторе или тюрьме для выполнения работ по хозяйственному обслуживанию (ст. 77);
- изменение вида исправительного учреждения (ст. 78);
- раздельное содержание осужденных к лишению свободы в исправительных учреждениях (ст. 80);
- режим особых условий в исправительных учреждениях (ст. 85);
- градация условий отбывания наказания (ст. 87, 121, 123, 125, 127, 129, 131, 133) и др.

Таким образом, законодатель в Общей части УИК РФ обозначил типовой правовой статус осужденных и их распределение по видам исправительных учреждений, а в Особенной – саму процедуру его трансформации посредством включения (исключения) дополнительных элементов: прав, обязанностей и законных интересов (например, приобретение дополнительных обязанностей трудиться, получать образование в период отбывания наказания).

Литература:

1. Кругликов Л.Л., Дифференциация ответственности в уголовном праве / Л. Л. Кругликов, А.В. Василевский. – СПб.: Юрид. центр Пресс, 2002. – 300 с.
2. Лесниевски-Костарева, Т.А. Дифференциация уголовной ответственности. Теория и законодательная практика / Т.А. Лесниевски-Костарева. – М.: НОРМА, 2000. – 400 с.
3. Красиков, В.С. Классификация и размещение осужденных по видам режимов исправительных учреждений / В.С. Красиков // Пенитенциарный опыт Англии и возможности его реализации в уголовно-исполнительном законодательстве России и Белоруссии. Рязань: АПУ ФСИН России, 2004. – С. 31 – 37.

УДК 343.213.3

РЕАЛЬНЫЙ ПРИНЦИП ДЕЙСТВИЯ УГОЛОВНОГО ЗАКОНА В ПРОСТРАНСТВЕ: ИСТОКИ И СОВРЕМЕННОЕ ПОНИМАНИЕ

*Э.А. Саркисова,
кандидат юридических наук, профессор,
Академия МВД Республики Беларусь*

Теорией уголовного права принято подразделять принципы действия уголовного закона в пространстве на: территориальный, принцип гражданства, реальный и универсальный.

Из всех вышеназванных принципов достаточно богатую историю правового регулирования имеет территориальный принцип, базирующийся на положениях о государственном суверенитете и независимости.

Однако, если иметь в виду все остальные принципы, то нельзя сказать, что их правовое регулирование было последовательным и в полной мере отвечающим задачам уголовного права. Это касается и реального принципа.

В истории уголовного права были законы, которые демонстрировали попытки достаточно четкой регламентации реального принципа, но были и законы, которые его просто игнорировали.

Например, если обратиться к Уложению о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г (с послед. редакциями), то можно отметить, что реальный принцип, уже тогда нашел свое достаточно полное законодательное закрепление. Так, согласно ст. 172 названного Уложения (в ред. 1885 г.), если иностранный подданный был изобличен или подозревался в совершении деяния вне пределов государства преступления, посягнувшего на право Державной Власти в России или на права одного или нескольких российских подданных, и изобличался потом на территории Российской империи, то он подлежал уголовной ответственности по Российскому уложению. В Уголовном Уложении 1903 г. регламентация данного принципа нашла свое дальнейшее развитие. При этом законом уточнены случаи, когда Российское Уголовное уложение распространялось на иностранных подданных, совершивших преступления вне пределов России. К таковым относились случаи, когда иностранный подданный совершал тяжкое преступление или такое преступление, которым обвиняемый посягал на права российских подданных или на имущество или доходы Российской Казны. Законодатель также оставлял возможность применить Российское право и в отношении других случаев, ссылаясь при этом на международные соглашения, заключенные Россией.

К сожалению, с началом применения советского уголовного права реальный принцип действия уголовного закона в пространстве был предан забвению. И если в Уголовном кодексе РСФСР 1922 г. о нем хоть имелось небольшое упоминание (согласно ч. 3 ст. 1 УК РСФСР 1922 г. действие этого Кодекса распространялось также на пребывающих в РСФСР иностранцев, совершивших вне пределов Республики преступления против основ государственного строя и военной мощи РСФСР), то уже в уголовных кодексах союзных республик, принятых в соответствии с основными началами уголовного законодательства Союза ССР и союзных республик 1924 г. указание на реальный принцип вообще от-

существовало. Это давало основание советским ученым такой подход подвергать критике. В частности, в выпущенной в свет в 1948 г. монографии, посвященной советскому уголовному закону, известный ученый М.Д. Шаргородский отмечал, что отсутствие в законодательстве реального принципа, безусловно, является недостатком, который в будущем должен быть устранен [1, с. 173].

Уголовным законодательством, принятым в союзных республиках в 60-х годах прошлого века, действительно, этот недостаток был устранен и реальный принцип получил свое закрепление. В УК БССР 1960 г. он звучал так: иностранные граждане за преступления, совершенные вне пределов Республики Беларусь, подлежат ответственности по уголовному законодательству Республики Беларусь в случаях, предусмотренных международными договорами. Законодательство того времени пошло по пути отсылки к международным договорам, что придавало приведенной норме некоторую безликость, давая основания ученым говорить вообще об отсутствии реального принципа в уголовном законодательстве.

Действующий УК Республики Беларусь 1999 г. демонстрирует несколько иной подход к регламентации реального принципа.

Отметим, что в первоначальной редакции он звучал следующим образом: иностранный гражданин или не проживающее постоянно в Республике Беларусь лицо без гражданства, совершившие преступления вне пределов Республики Беларусь, подлежат ответственности по настоящему Кодексу в случаях совершения особо тяжких преступлений, направленных против интересов Республики Беларусь.

В настоящее время в редакцию данной нормы внесено дополнение, согласно которому указанные выше граждане, совершившие преступления вне пределов Республики Беларусь, подлежат ответственности по настоящему Кодексу в случаях совершения тяжких и особо тяжких преступлений, направленных против интересов Республики Беларусь.

Таким образом, законодатель, как в первоначальной, так и нынешней редакции приведенной статьи ограничился указанием лишь на формальные моменты, используя термины «тяжкие и особо тяжкие преступления» и «интересы Республики Беларусь».

Между тем, при трактовке смысла интересов Республики Беларусь в данном контексте выявляется неоднозначное их понимание, что не вносит ясности в вопрос о том, какие же все-таки преступления признаются посягающими на интересы Республики Беларусь и за какие преступления, совершенные за пределами Республики Беларусь, иностранный гражданин или лицо без гражданства могут быть привлечены к уголовной ответственности по белорусскому законодательству.

В этой связи приведем позиции белорусских ученых. Так, по мнению А.В. Баркова, к преступлениям, посягающим на интересы Республики Беларусь, следует отнести преступления, посягающие на жизнь гражданина Республики Беларусь, интересы юридических лиц, зарегистрированных в Республике Беларусь; государственные интересы Республики Беларусь [2, с. 36]

По мнению Н.А. Бабя, преступление следует считать совершенным против интересов Республики Беларусь, если оно направлено против частных или публичных интересов республики – интересов отдельных граждан или их групп, интересов общества или государства в целом [3, с. 41].

Автор данных тезисов относит к особо тяжким преступлениям, направленным против интересов Республики Беларусь, например, заговор с целью захвата государственной власти, шпионаж, акт терроризма в отношении государственного или общественного деятеля [4, с. 62].

Обращение к российской литературе не прибавляет ясности в понимании рассматриваемого вопроса. Например, по мнению А.В. Бриллиантова, к интересам Российской Федерации относятся не только интересы государства, но и интересы личности граждан России [5, с. 20]. Автор главы пятой учебника по Общей части уголовного права Г.И. Богуш считает, что к преступлениям, посягающим на интересы Российской Федерации, следует относить преступления против основ конституционного строя и безопасности государства, против порядка управления, правосудия, а также иные преступления, основной или дополнительный объекты которых связаны с интересами государства в узком смысле. Это, по мнению автора, соответствует пониманию реального принципа в международном праве, связанного, прежде всего, с преступлениями антигосударственной направленности (шпионаж, диверсия, акт терроризма) [6, с. 74].

И.Е. Козаченко, раскрывая смысл реального принципа, подчеркивает, что любое государство имеет право карать за посягательства на его существование либо за действия, ставящие под угрозу его безопасность [7, с. 232]. По сути, автор интересы государства применительно к реальному принципу рассматривает лишь с позиции совершения преступлений против основ конституционного строя и безопасности государства.

Подобные разночтения прослеживаются и в других работах.

Отсутствует однозначное понимание данного вопроса и в зарубежном законодательстве. При этом в одних УК оно ограничивается указанием только на интересы государства без разъяснения этого понятия, в других – указывается и на иные правоохраняемые объекты, в третьих дается обширный перечень преступлений, совершение которых ино-

странными гражданами вне территории национального государства позволяет применить реальный принцип.

Анализ зарубежного уголовного законодательства свидетельствует и о том, что в нем не сложилось однозначного понятия интересов государства (республики). Так, например, в соответствии с ч. 3 ст. 12 УК Российской Федерации реальный принцип применяется в случаях, если совершенное преступление направлено против интересов Российской Федерации либо гражданина РФ или лица без гражданства, постоянно проживающего в РФ (гражданин с интересами РФ не отождествляется). Аналогичный подход в УК Республики Молдова (ч. 3 ст. 11), в Украины (ч. 1 ст. 8), в УК Азербайджанской Республики (ст. 12.2), в УК Республики Армения (ч. 3 ст. 15), в УК Республики Таджикистан (ч. 2 ст. 25), в УК Республики Туркменистан (ч. 1 ст. 8), в УК Латвийской Республики (ч. 3 ст. 4). В УК Грузии (ч.3 ст. 5), в УК Республики Казахстан (ч. 4 ст. 8), в УК Республики Беларусь (ч. 2 ст. 6) говорится лишь об интересах данных республик, что позволяет неоправданно широко толковать данное понятие.

В соответствии со ст. 9 Пенитенциарного кодекса Эстонии реальный принцип применяется в случаях совершения деяний, направленных против эстонских юридических благ, а именно против жизни и здоровья населения Эстонии, осуществления государственной власти и обороноспособности Эстонии, а также против окружающей среды.

В УК Франции еще более четко и более объемно очерчены преступления, при совершении которых применяется реальный принцип действия уголовного закона в пространстве. К ним отнесены посягательства на основополагающие интересы нации, то есть, те, которые зафиксированы в разделе 1 книги IV УК (посягательства на национальную оборону, на безопасность вооруженных сил и на охраняемые зоны оборонного значения, на государственную власть и другие, непосредственно указанные в законе.

Подобные разночтения обнаруживаются при анализе и других уголовных законов.

Подытоживая сказанное, отметим, что редакция ч. 2 ст. 6 УК Республики Беларусь в силу своей неопределенности не представляется удачной, поскольку размывает границы применения реального принципа действия уголовного закона в пространстве. На наш взгляд, более приемлемым подходом явилось бы обеспечение оптимальной конкретизации основания применения данного принципа путем приведения исчерпывающего перечня преступлений, совершение которых иностранными гражданами или лицами без гражданства за пределами ее территории позволяло бы применить этот принцип.

Литература:

1. Шаргородский, М.Д. Избранные труды / М.Д. Шаргородский. – СПб.: Юрид. центр Пресс, 2004. – 657 с.
2. Научно-практический комментарий к Уголовному кодексу Республики Беларусь / Н.Ф. Ахраменко [и др.]; под ред. А.В. Баркова, В.М. Хомича. – 2-е изд., с изм. и доп. – Минск: ГИУСТ БГУ, 2010. – 1064 с.
3. Бабий, Н.А. Уголовное право Республики Беларусь. Общая часть: учебник / Н.А. Бабий. – 2-е изд., перераб. и доп. – Минск: ГИУСТ БГУ, 2013. – 688 с.
4. Саркисова, Э.А. Уголовное право. Общая часть: учебник / Э.А. Саркисова. – Минск: Акад. МВД, 2014. – 560 с.
5. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации: в 2 т. (постатейный) / А.В. Бриллиантов [и др.]; под ред. А.В. Бриллиантова. – 2-е изд. – М.: Проспект, 2015. – Т. 1. – 482 с.
6. Уголовное право Российской Федерации. Общая часть / под ред. В.С. Комиссарова, Н.Е. Крыловой, И.М. Тяжковой. – Статут, 2012. – 462 с.
7. Полный курс уголовного права: в 5 т. / под ред. А.И. Коробеева. Т. 1. Преступление и наказание. – СПб.: Изд-во Р. Асланова «Юридический центр Пресс», 2008. – 1133 с.

УДК 343.9

КРИМИНАЛЬНОЕ НАСИЛИЕ В СФЕРЕ СЕМЕЙНО-БЫТОВЫХ ОТНОШЕНИЙ В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ: КРИМИНОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ

В.Г. Стаценко,

кандидат исторических наук, доцент

Витебский государственный университет имени П.М. Машерова

Удельный вес преступлений в сфере семейно-бытовых отношений в Республике Беларусь на протяжении последних пяти лет не превышает 3% от общего объема зарегистрированных; в 2015 году, например, в этой сфере было зарегистрировано 2409 преступлений, что составляет 2,5% от общего объема преступности. Следует отметить, правда, что после ряда лет снижения, в 2015 году показатель семейно-бытовой преступности увеличился на 9,1% по сравнению с предыдущим годом. Кроме того, за 2015 год «в быту» было зарегистрировано 51 334 административных правонарушений, что также (на 23%) больше, чем в 2014 году [1].

Основное количество бытовых преступлений составляют уголовные деяния, не представляющие большой общественной опасности и